

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
г. Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 43

24 апреля 2018 г.

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката Ф.
по жалобе адвоката Г.
и представлению Главного управления Министерства юстиции
Российской Федерации по гор. Москве**

Совет Адвокатской палаты г. Москвы в составе Полякова И.А., Резника Г.М., Ключганта В.В., Кипниса Н.М., Глашева А.А., Зиновьева Р.Ю., Зубкова С.Б., Канишевской Н.В., Львовой Е.Ю., Соловьева С.А., Флейшмана И.Е., рассмотрев в закрытом заседании 24 апреля 2018 г. с участием заявителя - адвоката Г., представителя ГУ Министерства юстиции по гор. Москве Е., а также адвоката Ф. и его представителей: К. и адвоката П., дисциплинарное производство в отношении адвоката Ф., возбуждённое по жалобе адвоката Г. от 30 октября 2017 года (вх. № ... от 30.10.2017) и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 октября 2017 года № 77/... (вх. № ... от 31.10.2017), основанному на обращении адвоката Г. от 27 сентября 2017 года (зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2017 № ...),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 24.01.2018, адвокатом Ф. нарушены:

пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов... Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с пунктами 1.3., 2.2.1, 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов

Российской Федерации 28 сентября 2016 года (протокол № 7), п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»), что выразилось в опубликовании им на сайте социальной сети «Твиттер», принадлежащем адвокату Ф. и используемом им, следующих сообщений («твиттов») от 19 июля 2017 года: «Придурки, запомните и передайте вашему шарикуну! Ф. никогда, слышите, никогда не проигрывал такому говну. Я вас сожру и высру. Пидо**сы...», «Исход этой деревенской пиар-атаки кремлевской подх**шки будет таким же, как и с его иском ко мне в Украине за «украинофобское животное», в которых содержится обценная лексика в виде выражений: «пидо**сы», «подх**шка», «говну», «высру», и проявлено неуважение по отношению к неограниченному кругу лиц путем использования при обращении к ним слова «придурки», а также сообщения «Взглянул на иск Ш. Бездарно составленные документы: Уголовная и гражданско-правовая ответственность взаимоисключающи. Идиоты», в котором приведена несдержанная и некорректная оценка содержания процессуального акта – искового заявления – своего процессуального оппонента – Ш. («бездарно составленные документы»), и проявлено неуважительное и оскорбительное отношение к нему («идиоты»).

В соответствии с этим же Заключением, в оставшейся части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ф. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился. Своё авторство сообщений (твиттов), в которых Комиссия установила дисциплинарные нарушения, не отрицает. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что действительно прибегает к резким и грубым публичным высказываниям, используя в них обценную, в том числе, ненормативную, лексику, поскольку «это его единственное орудие», а он находится под сильным давлением власти в силу специфики дел, которые ведёт. По этой причине считает такое своё публичное поведение «в определённых случаях допустимым», в том числе в Интернете. Кроме того, заявил письменное ходатайство, подтвердив его устно в заседании Совета, о прекращении дисциплинарного производства в связи с истечением, по его мнению, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности с момента обнаружения проступка. В обоснование ходатайства сослался на тот факт, что адвокат Г. ранее, 25 июля 2017 года, обращалась в Адвокатскую палату гор. Москвы с жалобой аналогичного содержания, по которой 04 августа 2017 года было отказано в возбуждении дисциплинарного производства. Пояснил, что предпочитает прекращение дисциплинарного производства по указанному нереабилитирующему основанию рассмотрению дисциплинарного дела по существу, поскольку сомневается в возможности

Совета Адвокатской палаты гор. Москвы принять самостоятельное и справедливое решение, т.к. он (адвокат Ф.), являясь «политическим адвокатом», испытывает давление со стороны власти.

Представители адвоката Ф. в заседании Совета позицию последнего поддержали, также просили о прекращении дисциплинарного производства в связи с истечением срока привлечения к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, оспаривали наличие в действиях адвоката Ф. состава дисциплинарного нарушения. В частности, представитель К. указал, что первое и второе (по порядку изложения в Заключении Комиссии – прим. Совета) высказывания адвоката Ф. безадресны, а третье не противоречит п. 2.2.2. Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в новой редакции. Обратил внимание на то, что твитты были адресованы друзьям адвоката Ф. в социальной сети, подписанным на его аккаунт, в связи с чем адвокат Г. не может иметь к нему претензий в связи с распространением сведений о ней. Представитель П., также указав на «обезличенный» характер двух из трёх высказываний адвоката Ф., рассматриваемых в настоящем дисциплинарном деле как образующие дисциплинарные нарушения, дополнительно обратил внимание на то, что ни одно из трёх высказываний не относится к адвокату Г., а также на то, что Лефортовский районный суд гор. Москвы в решении от 30.12.2016, применительно к аналогичной, по его мнению и по мнению адвоката Ф., ситуации, пришёл к выводу о том, что днём обнаружения проступка считается день, когда в соответствующую адвокатскую палату поступили сведения, указывающие на наличие в действиях (бездействии) адвоката признаков нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, и этот срок должен рассчитываться самостоятельно для каждой жалобы, касающейся различных фактов. Кроме того, указал на то, что по дисциплинарному делу не проводилась лингвистическая экспертиза, в то время как слово «идиот» является литературным, употребляется в произведениях русских классиков и не является оскорбительным. Остальные слова, содержащиеся в указанных высказываниях адвоката Ф., по его мнению, не входят в перечень предусмотренных действующими нормативными актами слов, отнесённых к ненормативной лексике. Адвокат П. просил Совет «подойти к делу соразмерно», что в его понимании означало не применять к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласилась в части, касающейся установленных в действиях адвоката Ф. нарушений. Вместе с тем, не согласилась с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части, а именно, в части, касающейся иных оскорбительных высказываний адвоката Ф. в адрес её доверителя Ш., а также в её адрес, и распространения адвокатом Ф. её фотоизображения и персональных данных без её согласия. Пояснила, что расценивает поведение адвоката Ф. как недопустимое и крайне циничное,

причиняющее вред правам и законным интересам её доверителя Ш. и авторитету адвокатуры. Считает такое поведение адвоката Ф. несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу и просит о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, особенно с учётом того, что он уже привлекался к дисциплинарной ответственности за аналогичные нарушения и был предупреждён Советом Адвокатской палаты гор. Москвы о недопустимости такого поведения. Однако адвокат Ф. и после применения к нему предыдущей меры дисциплинарной ответственности продолжает вести себя так же, публично употребляет ненормативную лексику, иные бранные и оскорбительные выражения. В подтверждение этого представила Совету тексты публичных высказываний адвоката Ф. в Интернете в сентябре 2017 года, содержащие такие выражения.

Представитель Главного Управления Министерства юстиции по гор. Москве Е. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство с учётом доводов участников, высказанных в заседании Совета, в полном объёме соглашается с Заключением Комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Достоверность содержания публичных высказываний адвоката Ф., в которых Комиссия усмотрела дисциплинарные нарушения, их авторство, а также обстоятельства, при которых они были сделаны адвокатом Ф., материалами дисциплинарного производства установлены вне разумных сомнений и не отрицаются самим адвокатом Ф. Доказательства совершения им указанных нарушений с исчерпывающей полнотой приведены в Заключении Комиссии.

Переходя к оценке этих высказываний на соответствие требованиям профессиональной этики адвоката, Совет соглашается с доводом представителя адвоката Ф. - адвоката П. о том, что слово «идиот (идиоты)» не является оскорбительным, поскольку оно является литературным и не облечено в неприличную форму. В связи с этим Совет исключает дисциплинарное обвинение в оскорбительном характере высказывания слова «идиоты», как необоснованное, по-прежнему относя указанное слово к числу грубых и неуважительных.

Совет отклоняет все остальные приведённые выше защитительные доводы адвоката Ф. и его представителей, как несостоятельные. Так, доводы о безадресном («обезличенном») характере высказываний не влияют на их оценку, поскольку, вне зависимости от наличия или отсутствия прямого указания адресатов высказываний, они содержат недопустимые для адвоката слова и выражения, в том числе о процессуальном оппоненте адвоката Ф. Довод о соответствии одного из этих высказываний требованиям п. 2.2.2. Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в новой редакции, равно как и доводы о том, что твитты были адресованы друзьям адвоката Ф. в социальной сети, подписанным на его

аккаунт, в связи с чем адвокат Г. не может иметь к нему претензий в связи с распространением сведений о ней, также не влияют на разрешение дисциплинарного дела, поскольку нарушение указанного пункта Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» адвокату Ф. не вменяется, а дисциплинарные обвинения адвоката Г. в оскорбительных высказываниях в её адрес и в распространении её персональных данных признаны Комиссией недоказанными. Совет при рассмотрении дисциплинарного дела не вправе выходить за пределы Заключения.

Совет в своём Решении от 08.08.2017 № ..., доведённом до сведения адвоката Ф. путём вручения заверенной копии под роспись его представителю, уже разъяснял адвокату Ф. и вновь подчёркивает, что правила и требования профессиональной этики, возлагающие на адвоката обязанности при всех обстоятельствах сохранять достоинство и не допускать никаких действий, направленных к подрыву доверия и умалению авторитета адвокатуры, включая правила, относящиеся к публичному поведению адвокатов, являются основополагающими правилами профессионального поведения, отражающими саму суть адвокатской профессии, устоев и традиций адвокатуры. К числу этих требований и правил, в частности, относятся следующие предписания Кодекса профессиональной этики адвоката:

«Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4);

«Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия» (п. 2 ст. 5),

а также следующие предписания «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», утверждённых 28 сентября 2016 года Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (протокол № 7):

«Принадлежность к адвокатскому сообществу как институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета» (п. 1.2.);

«Вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения» (п. 1.3.);

«При установлении контактов и общении в сети «Интернет» адвокат должен проявлять свойственную профессии сдержанность, осторожность и корректность» (пп. 2.2.1.);

«Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости» (пп. 2.3.1.);

«Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения» (пп. 2.3.2.).

Данные правила являются универсальными и императивными, адвокат не вправе отступать от них, как по собственной инициативе, так и в ответ на подобные действия других адвокатов или иных лиц, а также по любым иным причинам.

С учётом изложенного Совет признаёт полностью обоснованными выводы Квалификационной комиссии о том, что приведенные выше высказывания и выражения адвоката Ф. не соответствуют предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката и изложенным требованиям «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет».

Недопустимым и прямо противоречащим правилам профессиональной этики является сам факт неоднократных публичных высказываний, указанных выше, в которых с использованием обценной, в том числе ненормативной, лексики («пидо**сы», «подх**шка», «говну», «высру») проявлены агрессия, рознь и нетерпимость, явное неуважение по отношению к неограниченному кругу лиц («придурки»), а также содержится несдержанная и некорректная оценка содержания процессуального акта – искового заявления - процессуального оппонента («бездарно») и проявлено неуважительное отношение к нему («идиоты»).

Совет обращает внимание представителя адвоката Ф. - адвоката П., что для такой оценки совершенно не требуется проведение лингвистической экспертизы или иное обращение к лицам, обладающим специальными познаниями в области лингвистики, в силу очевидного содержания высказываний адвоката Ф. и их демонстративно публичного характера. Кроме того, Совет обращает внимание адвоката П. на неверное (необоснованно ограничительное) толкование им нормативных актов, определяющих основные и производные слова, образующие ненормативную (нецензурную) лексику, при том, что дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ф. состоят в нарушении, прежде всего, правил профессиональной этики адвоката, а не этих нормативных актов.

Завершая оценку приведённых выше публичных высказываний адвоката Ф., часть которых носит характер площадной брани, содержит ненормативные выражения, Совет ещё раз подчёркивает, что этими высказываниями адвокат Ф. грубо, демонстративно и неоднократно проигнорировал приведённые выше обязательные требования профессиональной этики. Совет вновь констатирует, что, как этими высказываниями в отдельности, так и всем свойственным ему в целом, по его

собственному признанию, стилем публичного общения, адвокат Ф. продемонстрировал предельно низкие стандарты поведения, обычно характеризующиеся как нерукопожатность.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ф. в части вышеуказанных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении этих нарушений полностью установленной.

Довод адвоката Ф. и его представителей об истечении шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности с момента обнаружения проступка Совет отклоняет как несостоятельный и разъясняет, что признаки дисциплинарного проступка, являющегося предметом разбирательства в настоящем дисциплинарном деле, были впервые обнаружены в жалобе адвоката Г. от 30.10.2017, поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы в тот же день (вх. № ... от 30.10.2017), а затем – в представлении Главного Управления Министерства юстиции по гор. Москве, поступившем в Адвокатскую палату гор. Москвы 31.10.2017 (вх. № ... от 31.10.2017). Именно эти обращения явились поводами для возбуждения дисциплинарных производств распоряжениями Президента Адвокатской палаты гор. Москвы соответственно от 08.11.2017 № ... и от 09.11.2017 № ..., впоследствии объединённых в одном производстве. Что касается предыдущей жалобы адвоката Г., поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы 25.07.2017, то её содержание не оценивалось и не могло оцениваться на предмет наличия признаков дисциплинарного проступка, поскольку она была признана недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного разбирательства, что прямо следует из содержания Распоряжения Президента Адвокатской палаты гор. Москвы от 04.08.2017, приобщённого к материалам дисциплинарного производства по ходатайству адвоката Ф. То обстоятельство, что перед вынесением указанного распоряжения от адвоката Ф. было получено объяснение, в котором он сообщил, что незнаком с адвокатом Г. и не знал о том, что она представляет интересы Ш., также не свидетельствует об обнаружении признаков дисциплинарного проступка в его действиях. Сами же высказывания адвоката Ф., являющиеся предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, на предмет их соответствия требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре применительно к жалобе адвоката Г., поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы 25.07.2018, не анализировались по указанной выше причине – в связи с отсутствием допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Ссылка адвоката Ф. и его представителей на решение Лефортовского районного суда гор. Москвы по иному делу, во-первых, не влияет на исчисление срока применения мер дисциплинарной ответственности по настоящему делу, а во-вторых, не свидетельствует о наличии каких-либо противоречий между позицией Совета, изложенной выше, и позицией суда, изложенной в его решении, поскольку в нём также содержится вывод суда о том, что шестимесячный срок подлежит исчислению со дня, «когда в соответствующую адвокатскую палату

поступили сведения, указывающие на наличие в действиях (бездействии) адвоката признаков нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката». При таких обстоятельствах шестимесячный срок, предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, подлежит исчислению с 30.10.2018, на момент рассмотрения Советом дисциплинарного дела он не истёк, в связи с чем оснований для прекращения дисциплинарного производства по указанному основанию не имеется.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Ф. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными, тяжкими, посягающими на этические основы адвокатской профессии, характеризуются устойчивым, демонстративным и злостным игнорированием фундаментальных правил профессионального поведения, установленных законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, а также решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции, проявлением органически чуждых адвокатской профессии агрессии, розни и нетерпимости, а также свидетельствуют об утрате адвокатом Ф. чести и достоинства, присущих профессии адвоката, нанесли вред авторитету адвокатуры, и в силу этого являются недопустимыми и несовместимыми со статусом адвоката. Кроме того, Совет учитывает, что адвокат Ф. подтвердил в заседании Совета, что такое поведение является его сознательным выбором и рассматривается им как допустимое. Эта позиция была высказана адвокатом Ф., несмотря на то, что в Решении Совета от 08.08.2017 № ..., которым к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за аналогичные нарушения, Советом было указано, в частности, следующее: «...Совет принимает во внимание, что они (*нарушения – прим. Совета*) являются умышленными, тяжкими, посягающими на этические основы адвокатской профессии, характеризуются систематическим, демонстративным и злостным игнорированием установленных Законом и Кодексом профессиональной этики адвоката фундаментальных правил профессионального поведения, нанесли вред авторитету адвокатуры, направлены к подрыву доверия к ней, и в силу этого являются недопустимыми и несовместимыми со статусом адвоката. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Ф. нарушения признал, ...дисциплинарных взысканий не имеет. Учитывая совокупность указанных обстоятельств и сохраняя адвокату Ф. шанс кардинально изменить своё поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения». Совет принимает во внимание, что нарушения, являющиеся предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, совершены адвокатом Ф. ранее вынесения Советом указанного Решения от 08.08.2017 № ..., и в силу этого они не могут рассматриваться как повторные с формально-

юридической точки зрения. Вместе с тем, оценивая поведение адвоката Ф. с позиций профессиональной этики, Совет полагает необходимым учесть, что он и в настоящее время, несмотря на ранее сделанное ему Советом предупреждение в указанных формулировках, вместо того, чтобы использовать предоставленный ему шанс кардинально изменить своё поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, продолжает, как указано выше, считать подобное поведение допустимым для себя, тем самым последовательно игнорирует фундаментальные требования профессиональной этики и демонстративно противопоставляет себя адвокатскому сообществу. При этом адвокат Ф. подтвердил в заседании Совета, что безусловно позиционирует себя в качестве адвоката, делая подобные публичные высказывания в Интернете. У Совета также не имеется сомнений в очевидности для широкой аудитории публичных высказываний Ф. факта его принадлежности к адвокатскому сообществу. При таких обстоятельствах Совет, большинством голосов, приходит к выводу о необходимости применения к адвокату Ф. меры дисциплинарной ответственности за совершённые дисциплинарные нарушения в виде прекращения статуса адвоката и считает невозможным применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности, поскольку она, во-первых, не соответствовала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а во-вторых, косвенно свидетельствовала бы о совместимости подобного устойчивого и сознательного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Устанавливая, в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18, п. 1.1. ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, срок, по истечении которого Ф. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет считает достаточным для осознания Ф. необходимости неукоснительного соблюдения правил профессиональной этики срок продолжительностью в один год.

В части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, Совет соглашается с Заключением Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку достаточных оснований для вывода о нарушении адвокатом Ф. этими высказываниями требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не имеется.

Совет, как и Квалификационная комиссия, не может оценить словообразование «недопырок» как недопустимое выражение, поскольку указанное словообразование отсутствует в словарях русского языка, и его значение недоступно для понимания.

Размещение адвокатом Ф. в своём аккаунте фотографии адвоката Г., находившейся в открытом публичном источнике, и сопровождение ее записью «Адвокат Ш. Как говорили прежде, мама роди меня снова», также не составляет дисциплинарного проступка. Споры об использовании персональных данных органам адвокатского самоуправления не подведомственны. Кроме того, Совет, вопреки позиции заявителя – адвоката Г., не считает, что выражение «Адвокат Ш. Как говорили прежде, мама роди меня снова», унижает ее честь и достоинство.

Не образуют дисциплинарного проступка и иные высказывания адвоката Ф., которые приводит в жалобе заявитель адвокат Г., а именно: «По поводу вчерашнего так называемого российского суда. Педофила основательно прикрывают из Кремля. Ничего не поделаешь. Но мы продолжим» (26 октября 2017 г.); «Я прошу френдов, имеющих информацию о деятельности адвоката Г., присылать мне на почту (29 октября 2017 года); «Скорее овощ. В сети есть» (29 октября 2017 года), а также распространённая им информация о направлении жалобы в отношении адвоката Г. Достаточных доказательств того, что адвокат Ф. на своей странице в социальной сети «Твиттер» называет Ш. «не иначе как «аморальный тип», «лжец», «заурядный мерзавец»», а также того, что «на видео, снятом в полицейском участке г. ..., адвокат Ф. в присутствии переводчика и должностных лиц полиции оскорбляет жену Ш. – О., называет ее шлюхой, оскорбляет ее внешность, называет «типичным трансом»», заявителем также не представлено. В Заключение Комиссии приведены подробные обоснования вывода об отсутствии достаточных доказательств дисциплинарного проступка в указанных высказываниях, и Совет с этими обоснованиями соглашается.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 1, 2 п. 1, п. 1.1. ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

р е ш и л:

За нарушение пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов... Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с пунктами 1.3., 2.2.1, 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 сентября 2016 года (протокол № 7), п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»), что выразилось в опубликовании им на сайте социальной сети

«Твиттер», принадлежащего адвокату Ф. и используемого им, следующих сообщений («твиттов») от 19 июля 2017 года: «Придурки, запомните и передайте вашему шарикю! Ф. никогда, слышите, никогда не проигрывал такому говну. Я вас сожру и высру. Пидо**сы...», «Исход этой деревенской пиар-атаки кремлевской подх**шки будет таким же, как и с его иском ко мне в Украине за «украинофобское животное», в которых содержится обценная лексика в виде выражений: «пидо**сы», «подх**шка», «говну», «высру», и проявлено неуважение по отношению к неограниченному кругу лиц путем использования при обращении к ним слова «придурки», а также сообщения «Взглянул на иск Ш. Бездарно составленные документы: Уголовная и гражданско-правовая ответственность взаимоисключающи. Идиоты», в котором приведена несдержанная и некорректная оценка содержания процессуального акта – искового заявления – своего процессуального оппонента – Ш. («бездарно составленные документы»), и проявлено неуважительное отношение к нему («идиоты»), **применить к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Установить срок, по истечении которого Ф. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, продолжительностью в один год.**

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ф. по жалобе адвоката Г. от 30 октября 2017 года (вх. № ... от 30.10.2017) и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 октября 2017 года № 77/... (вх. № ... от 31.10.2017), основанному на обращении адвоката Г. от 27 сентября 2017 года (зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2017 № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков